

Къ вопросу о реформѣ церковнаго суда.

Когда читаешь въ печати разныя теоретическія соображенія о болѣе правильной постановкѣ церковнаго суда, невольно въ головѣ рождается

мысль: дать ли духовенству новый усовершенствованный судъ, близкій, по характеру, съ гражданскимъ, болѣе удовлетворенія, чѣмъ прежній — патриархальный, съ которымъ оно, такъ сказать, сжилось, сроднилось; уменьшить ли, ослабить ли новое судопроизводство, съ введеніемъ въ него гласности и преній сторонъ, въ средѣ духовенства проступки и преступленія противъ должности, благочинія и благоповеденія; подходяща ли гласность тамъ, гдѣ она касается служителей Божіихъ, совершителей Его святѣйшихъ таинъ, которые, безпорно, должны быть образцами вѣры и благочестія предъ врученнымъ имъ словеснымъ стадомъ; умѣстно ли преніе сторонъ (конечно и крестьянина со священникомъ — пастыря съ пасомымъ) въ кругу постороннихъ слушателей, причастныхъ и не причастныхъ къ дѣлу; не приведетъ ли это, навонецъ, къ совершенному упадку вѣры и благочестія въ народѣ, къ полнѣйшей безнравственности, какъ мірянъ, такъ и самого духовенства, раздѣтаго, въ присутствіи людей, донага, т. е. избличеннаго по всеѣмъ правиламъ искусства, по послѣднему слову науки? Вотъ вопросы, о которыхъ вѣрнѣе, вѣрнѣе необходимо подумать!.. Если при омовеніи мертваго священника присутствуютъ только его собратья, то при судебномъ его-живого-омовеніи или загрязненіи тѣмъ болѣе должны бы присутствовать одни духовные, въ виду устранения большого соблазна.., ибо, при стираніи грязнаго пятна, пятно это можетъ загрязнить все тѣло, смотря потому, какого оно свойства. Само-собою-потворства, послабленій, а также и натяжекъ въ судѣ быть не должно; вѣдать же все судныя дѣла ближе всего Епархіальной власти, — ей и предоставить это суда право проступковъ и уголовныхъ дѣлъ. Гласность скорѣе можетъ повредить обвиняемому, чѣмъ оправдать его, такъ какъ духовныя лица, особенно священники или діаконы, будучи подъ дѣйствіемъ напряженныхъ и обращенныхъ къ нимъ постороннихъ органовъ зрѣнія и слуха, очень просто будутъ стѣснены до крайности въ своемъ несчастномъ положеніи (это такъ естественно,) и не выскажутся вполне, — чисто-сердечно, откровенно, не постараются оправдать себя. Что для свѣтскаго вещь обыкновенная, то для духовенства — почти невозможная... Вѣдь открываются дѣла и среди духовенства всякаго свойства и характера, хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ у свѣтскихъ, но все же — возникаютъ... Едва ли пособить горю и разграниченію слушанія и рѣшенія дѣлъ (менѣе блаженныхъ и болѣе серьезныхъ,) при откры-

тыхъ и закрытыхъ дверяхъ... При чемъ тутъ двери? Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и всякій мелкій проступокъ, всякое маленькое пятнышко можетъ превратиться для духовнаго въ черную и грозную тучу: гнилое, безнравственное, неумышленно сказанное, необдуманное слово, дерзкій поступокъ дѣйствіемъ, подъ вліяніемъ алкоголя, азарта и т. п. А по этому закрытыя двери, при всякомъ судебномъ разбирательствѣ, для всѣхъ, кромѣ духовныхъ и привоснованныхъ къ дѣлу, ближе всего отвѣчали бы цѣли. Я не бывалъ ни слѣдователемъ, ни рѣшителемъ судебъ себѣ подобныхъ, но держусь такого взгляда потому, что такъ смотрѣть на это важное дѣло мнѣ подсказываетъ здравый разумъ.

Теперь посмотримъ, какія собственно въ большинствѣ возникаютъ въ нашей средѣ судебныя дѣла. Вотъ онѣ: по поводу пьянства и сопутствующимъ ему дебошамъ, по поводу безнравственной жизни, незаконно совершенныхъ браковъ, обидныхъ выраженій и дѣйствій по отношенію къ другимъ, по доносамъ о богослуженіяхъ, отиравляемыхъ въ непозволительномъ видѣ, о мздоимствѣ, торгашествѣ и т. д.. въ меньшинствѣ—уголовныя преступленія. Если суды нынѣ прогрессируютъ, то въ параллель съ ними прогрессируютъ и преступленія, доходяція въ наше время до невѣроятныхъ размѣровъ, какъ-то: самоубійства, отнятія чужой собственности, лишеніе чести и безшабашная публичная хвальба самыми преступленіями! Что можетъ быть хуже этого? Придумать трудно. Слѣдовательно, чтобы уменьшить количество проступковъ и преступленій, требуется прежде всего обратить взоры не на улучшеніе постановки суднаго дѣла (это еще вопросъ—улучшится или ухудшится оно!), а на нравственную сторону лицъ, совершающихъ проступки и преступленія, и на то, отъ чего, отъ какихъ причинъ дѣлаются люди преступниками. А подумалъ ли кто объ этомъ серьезно? Почти незамѣтно! Прежде, чѣмъ судить, мараютъ формуляры, лишаютъ чести и свободы людей, слѣдовало бы заглянуть внутрь чело-вѣка, въ изгибы его наболѣвшей и изстрадавшейся души. Съ этой именно цѣлю и образовывать собраніе найдостойнѣйшихъ и пользующихся общимъ довѣріемъ пастырей въ епархіи, которые бы давали равнымъ братскіе, а низшимъ—отеческіе совѣты и увѣщанія, вникали въ ихъ положеніе, наставляли и предупреждали съ христіанскимъ терпѣніемъ, искусствомъ, любовію и мудростію, согласно завѣтамъ Христа Спасителя. Если провинившійся послѣ этого не исправится, такового грѣшника

можетъ исправить самъ Архипастырь, не прибѣгая сразу въ формальнымъ слѣдствіямъ. Поступая такимъ образомъ съ провинившимися, многихъ изъ нихъ могли бы совершенно исправить и поставить на ноги. А какъ бы потомъ за это они были благодарны и признательны!.. Иной отъ ударовъ судьбы и такъ едва держится на ногахъ, а если его еще разъ ударить *судебнымъ порядкомъ*, то онъ и вовсе упадетъ и болѣе уже не встанетъ (одни умираютъ, другіе нравственно погибаютъ). Возьмемъ, для примѣра, хотя пьяницу (этотъ порокъ распространенъ во всѣхъ слояхъ общества). У васъ, обыкновенно, принято наказывать пристрастнаго въ хмѣльнымъ наиткамъ человѣка и разъ, и два, и нѣсколько разъ, и чѣмъ далѣе,—тѣмъ сильнѣе, не входя въ положеніе несчастнаго; его презираютъ, отъ него бѣгутъ, какъ отъ чумы даже и тѣ, кои и сами бывали пьяницами. Справедливо ли это, такъ ли должно поступать? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Нужно-ли утопающаго до тапливать, слѣдуетъ ли битаго добивать? —Тоже нѣтъ—Господь не велѣлъ! Глунаго наставь въ законъ и подай ему добрый совѣтъ; обличи его сначала одинъ-на одинъ, затѣмъ, при двухъ или трехъ (когда онъ протрезвится) свидѣтеляхъ, а потомъ уже причисли его къ *язычникамъ и мытарямъ*; но и изъ послѣднихъ многіе снаслись, образумились. Что такое пьяница? Это—человѣкъ больной, сдѣлавшійся такимъ вслѣдствіе домашнихъ или внѣшнихъ неурядицъ, неудачъ и несчастій, или же—по наслѣдству отъ родителей. Такого человѣка, первѣе всего, должно лѣчить, а не наказывать,—лѣчить духовными средствами; изолировать его для безопасности отъ трезвыхъ, но не въ холодную комнату и не при помощи веревовъ. Алкоголь дѣлаетъ похожимъ образованнѣйшаго и умнѣйшаго человѣка на простака, сравниваетъ ихъ во всемъ. Слѣдовательно, если что и дѣлаетъ человѣкъ худого, то дѣлаетъ это не отъ разума, а отъ безумія,—помраченный разумовъ не въ состояніи разобратся въ словахъ и дѣйствіяхъ; всякій проступокъ и преступленіе, совершенные въ семь видѣ, б. ч. бываютъ безсознательными, автоматическими, животными. Угрозы и судъ только могутъ скорѣе убить человѣка, чѣмъ вылѣчить; разные «Бурдеины» и лѣвара въ этомъ родѣ не приносятъ никакой существенной пользы. Нѣсколько фактовъ временнаго излѣченія отъ недуга (мѣсяцъ и даже годъ) еще не означаютъ того, чтобы лѣчившійся и излѣчившійся отъ алкоголя вновь и еще въ болѣе сильной степени не принялся за пьянство. Здѣсь необходимы:

своя твердая сила воли, усиленная молитва и душеспасительныя бесѣды. Только это одно можетъ быть надежнымъ! Силою вроткаго увѣщанія, раствореннаго христіанскою любовію, можно излѣчивать людей отъ пороковъ и дурныхъ привычекъ. Терпѣніе и любовь все побѣждаютъ, по слову Св. Писанія. Нужно-ли говорить, что это наша прямая пастырская обязанность?! Не корили-ли Христа евреи за то, что онъ не отстранялъ отъ себя пьяницъ, мытарей и другихъ грѣшниковъ, которые искали его помощи? Почему же мы «видяще—не видимъ, слышаще не слышимъ», умомъ и сердцемъ не склоняемся на доброе дѣло пристольно-веніи съ погибающимъ человѣкомъ? Правда, подобный способъ исправленія очень труденъ, но за то—вѣревъ и богоугоденъ... Судить и губить грѣшника, нимало не разбираясь въ его душѣ, несравненно легче... Не пора ли священникамъ и левитамъ брать примѣръ съ самарянина??.

Священникъ Павелъ Закомельскій.